
В. И. САМОХВАЛОВА

КУЛЬТУРА КАК ИЗМЕРЕНИЕ ФАКТОРА ВЛАСТИ

Культура, и это стало общепринятым ее определением¹, является «второй природой» человека. Но реальная ее роль в жизни современного человека, в его самоощущении, самоидентификации такова, что, по сути, она по своему *значению* занимает место «первой природы», по смыслу становится основной, ибо во многих случаях значит для человека и определяет его не меньше, а даже больше, чем природа исходно первая.

Это значение культуры, ее роль и возможности всегда использовались обществом для формирования человека, его воспитания и развития; будучи создана человеком, она выступает как могучее средство его очеловечивания. Но в наше время, ставшее временем парадоксов и неожиданных решений, культура все чаще начинает использоваться как бы не по традиционному назначению, а в целях порою прямо противоположных. Появилось, например, понятие информационных войн, в которых достижения культуры используются узко прицельно, часто в собственно антикультурных, даже античеловечных целях.

Ныне в условиях активно осуществляемого проекта глобализации все отчетливее выступает основная установка и главная идея нового мирового порядка: деньги решают все. Не только цель, но и содержание проекта глобализации сводится к решению финансово-экономических проблем, а сама экономика трактуется как предельное обоснование и объяснение всех происходящих в обществе процессов. Один из членов Бильдербергского клуба, директор Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали в своей книге «Линии горизонта» называет деньги главной и универсальной

¹ Самым общим, как бы родовым, ибо в настоящее время специалисты-культурологи начинают более 2 тысяч различных ее определений.

ценностью, в том числе и духовной. Современный мир как «эра денег», по его мнению, формируется по принципу геоэкономики, которая претендует на то, чтобы стать и идеологией «нового общества», и философией глобализационной эпохи. Единая универсальная форма организации общества и всего мира, полагает Аттали, означает, что власть будет измеряться лишь «количеством контролируемых денег», которые определяют и символизируют все отношения и тем самым становятся не только всеобщим эквивалентом, но и своеобразным языком, способным быть универсальным выразителем всех вещей и всех отношений.

И хотя тем самым экономические идеи признаются универсальными и достаточными для описания всех без исключения процессов в мире, тем не менее за пределами экономической реальности остаются не сводимые к ней представления и понятия, которые по-прежнему в той или иной мере способны влиять на облик и содержание глобализационной эпохи.

Именно в культуре, которая фактически охватывает всю полноту жизни современного человека, формируются его представления о мире и самом себе, именно через культуру ему предлагаются и внушаются формы поведения, стереотипы мышления, жизненные идеалы и ценности. В культурном сознании осуществляется и поиск оптимального социального устройства общества, проектирование утопий и антиутопий как моделей желательного, или отвергаемого, или возможного, в силу логического развития тенденций, состояния общественного устройства². И потому именно культура, способная выступать как относительно самостоятельный компонент социальной регуляции, становится объектом пристального внимания со стороны руководителей глобализационного проекта, стремящихся подключить возможности культуры к формированию нужных образов и стереотипов мышления, которые бы помогли укрепить в сознании людей представления о достоинствах нового глобализационного порядка и его ценностях.

² Это имеет отношение не только к России, в которой традиционно конституирующую роль в социальном развитии всегда играл именно культурный параметр и потому здесь деградиционные процессы в культуре не только не могут быть скомпенсированы какими-то экономическими успехами, но именно и не позволят этим успехам состояться вообще (что мы и наблюдаем).

Культура может стать и становится предметом конкуренции и инструментом конкурентной борьбы в условиях интеграции культур в глобализируемом обществе. Борьба за преобладание образов и ценностей «своей» культуры становится для конкурирующих сторон и условием присутствия на мировых рынках, на кино- и телеэкранах, на престижных выставках, определяющих победу тех или иных фирм, производящих технику, одежду, игрушки и т. п. Согласно законам рынка, чья культура побеждает, у того и наибольшая выгода.

О еще более широком значении и, главное, *использовании* культурного фактора говорит также и идеолог «нового мирового порядка» З. Бжезинский, который наряду с экономическим, военным и технологическим выделяет и культурный фактор как одно из четырех *главных* измерений власти³. «Всемирное культурное обольщение облегчается быстрым распространением английского языка как средства международного общения»⁴. И сегодня «исторически беспрецедентный масштаб американского культурного превосходства не имеет себе равных»⁵. Становление глобального сообщества, в центре которого находится Америка⁶, несомненная цель и ценность для Бжезинского, хотя он и признает «достаточно очевидную узость интеллектуально-культурных интересов американского общества»⁷. Тем не менее, если «Соединенные Штаты желают сохранить у себя дома уклад жизни и свободу, которым они столь привержены, им надо обеспечить легитимность своего господства за пределами Америки»⁸.

И именно процессы, происходящие в культуре глобализационной эпохи, отчетливее всего проявляют реализуемую в практике глобализации тенденцию и могут определить неудачу всего проекта, позволив идентифицировать его как грандиозную антиутопию. Реальность этих процессов не только лишает иллюзий многих прежних сторонников глобализации, но и обозначает рубеж, за ко-

³ Бжезинский, З. Геостратегия для Европы // Независимая газета. – 1999. – 24 октября.

⁴ Он же. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М., 2005. – С. 235.

⁵ Там же. – С. 233.

⁶ Там же. – С. 12.

⁷ Там же. – С. 17, 31, 55.

⁸ Там же. – С. 70.

торым начинается опасная деградация общества. То, что представляется как глобализация культуры, на самом деле часто становится *перерождением* культуры в культурный *инструмент* глобализации, в механизм воспроизводства глобально-гомогенизированного способа сознания.

Существуют не только разные способы отношения к глобализации, но и разные способы понимания единого мира⁹. Для одних (первый вариант) единое человечество – это мечта и предмет упования и работы по его приближению (вспомним Вл. Соловьева и русских космистов), для других (второй вариант) – это объект конструирования идеальных проектов и утопий, воплощающих тенденции развития мирового процесса и представления о прогрессе человечества (Платон, утописты, христианские утопии, «красный проект», «американская мечта»), для третьих (третий вариант) – это жестко построенное общество с четкой иерархией, «навечно» закреплёнными ролями и неограниченной (или ограниченной наличием денег) властью, поддерживаемой всеми возможными (в том числе сомнительными) способами и технологиями (почему и проводятся глобализационные стратегии столь жестко на «периферии», которая «не успела», а следовательно, навсегда опоздала); иными словами, это реализованная *антиутопия* по типу «Железной пяты» Дж. Лондона, романов Дж. Оруэлла и О. Хаксли, или и вовсе «черный нейросоц» постсингулярного мира¹⁰.

И для культуры также предназначены разные модели и разные роли. В одном случае (как правило, идеализированном) глобализация понимается как организация *единства многообразия*, обеспечиваемого взаимодействием разных культурных традиций, образцов и ценностей, установка на их сохранение для обогащения содержания культурной жизни человечества и его культурного пространства. Это был бы способ обеспечить реальное развитие, возможное именно на основе взаимодействия различного, позволяющего произвести актуальный (на каждый конкретный случай) выбор наиболее подходящего (для данного случая) варианта. В слу-

⁹ См. более подробно: Самохвалова, В. И. Социальные проекты: утопии и альтернативы // Философская Россия. – 2007. – № 3; Она же. Метафизика глобализации. От утопии к антиутопии // Материалы клуба ученых «Глобальный мир». – Вып. 11. – М., 2002.

¹⁰ Калашников, М., Бощенко, И. Будущее человечество. – М., 2006.

чае глобализации культурное «взаимодействие» понимается как *унификация* культурных моделей, что с неизбежностью будет означать и гомогенизацию культурного пространства человечества. При этом культурная унификация, как скоро выяснилось, должна происходить по американскому образцу, а гомогенизация – означать «структурирование» смыслового пространства в соответствии с американскими ценностями. Иными словами, в реальной действительности инструментом глобализации был избран вариант одностороннего монологического диктата, при котором происходит вытеснение, подавление культурой, взятой «за образец», всех остальных культур.

Все это – вполне в согласии с идеями Ж. Аттали о решающей роли денег как новой безусловной либеральной ценности: самая богатая и потому сильная держава имеет право навязывать свою волю остальным как неудачникам, которые не сумели доказать *свое* право на успех. Вспомним в связи с этим содержание некоторых сюжетов из популярного сериала «Ее звали Никита», где сотрудники специального отдела совершают свои операции на территории иностранных государств, не сомневаясь в том, что имеют на это полное право. Они сражаются за собственные ценности, которые *любой ценой* должны быть навязаны всему миру. Всякие нравственные соображения при этом остаются за пределами сознания функционеров этой представляемой Никитой всемирной организации сыска и террора, которая вне санкций каких-либо международных организаций присвоила себе полномочия насильственно «осчастливливать» население остальной планеты.

В этой связи для остальных (в том числе, и в особенности, для нас) становится необходимостью прежде всего четкое осознание ошибочности своей идентификации с США, своих национальных интересов – с интересами Америки, без чего невозможно ни дать трезвую и объективную оценку собственного положения в данном проекте, ни сформировать аутентичную основу собственного поведения в нем. «Глобализация является благом для Америки»¹¹, – пишет З. Бжезинский, а «единственно возможным мировым правительством может быть только американская глобальная диктатура»¹².

¹¹ Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – С. 210.

¹² Там же. – С. 273.

Здесь следует сказать несколько слов об этой специфической для нашего времени проблеме – проблеме *ложной идентификации*. Благодаря организации содержания массированного воздействия информационных средств и технологий человек начинает отождествлять себя с теми или иными лицами или группами вопреки действительной собственной социальной и культурной принадлежности. Политические и социальные мифы заставляют его идентифицировать свои интересы с интересами групп и людей, цели которых расходятся с его собственными; человек как бы раздваивается: в своем реальном жизненном бытии он по-прежнему остается со своей референтной группой, а сознанием своим оказывается вписан в систему совсем иных, иногда совершенно чуждых ему взглядов, интересов, представлений, образцов поведения. Это заставляет его участвовать в реализации не просто чужих, но и вредных для него самого программ и целей.

Разнообразные информационные воздействия приводят к формированию толерантности относительно, например, функционирования и правомерности термина «множественная идентификация», или полиидентичность, когда человек одновременно принадлежит к ряду референтных групп, с которыми отождествляет себя и свои интересы. Действительно, идентичность человека осуществляется в известном смысле *иерархично* (он сам, семья, род, профессиональная или иная группа, страна, планета...), но она не может осуществляться равноправно-многонаправленно. Многоаспектность хороша, пока она не стала отождествляться с раздвоением личности или распадом сознания. И не является ли, если говорить терминами этой своеобразной информационной войны, в этом смысле полиидентичным Андрий, сын Тараса Бульбы, который, очевидно, на основе такой полиидентичности и совершает свой «цивилизационный выбор» (речь идет о недавнем фильме по повести Н. В. Гоголя). Но так выражаются в «посттрадиционном» пространстве. А в реальности той человеческой традиции, в которой творил Гоголь, это называлось предательством. Предательством своих – Родины, отца, товарищей. И если для нас это стало пустыми словами, то почему для американцев, которым мы порою столь натужно подражаем, эти понятия о защите «своих» отнюдь не пустые: вспомним фильм «Спаси рядового Райана». Для американского менталитета

подобная идеология недействительна и годится только как «товар на экспорт».

Когда теоретики-культурологи утверждают, что посттрадиционное общество глобализуемого мира есть не общество без традиций, но общество с измененно понимаемыми (оцениваемыми) традициями, то это не просто обычная терминология в постмодернистском духе, но война со здравым смыслом, который должен все-таки присутствовать в понятиях, если с их помощью мы хотим что-то прояснить, а не окончательно запутать и затемнить. Нельзя бесследно для качества собственного мышления легкомысленно оперировать логически неправомерными понятиями, которые содержат *contradictio in adjecto* (внутреннее противоречие).

То же самое относится и к национальной самоидентификации целых народов. И здесь мы видим оперирование разноположенными понятиями, которые призваны затушевать некоторые очевидные вещи. Воздействие американизированной массовой культуры заставляет народы идентифицировать себя с системами иных культур и ценностей, и они начинают активно участвовать в реализации вынужденных, но кажущихся им единственно возможными программ вместо того, чтобы критически пересмотреть их и заменить необходимыми именно им. Таким образом, групповые интересы новой глобальной элиты выдаются за интересы всего населения планеты. А в результате оказывается, что 80 % населения планеты обречено жить в условиях бедности, 15 % – удовлетворительно, и только 5 % – в богатстве, в основном это американцы¹³. Доминирующее положение США легитимировало удобное для них использование в отношениях с другими странами практики *двойных стандартов*, которая наиболее отчетливо показала, что глобализация осуществляется как хорошо организованная и планомерно развивающаяся игра в одни ворота – в пользу одной страны, стремящейся любым способом к сохранению и упрочению своего статуса.

На фоне заявлений об интеграции в единую мировую культуру происходят два, казалось бы, противоположных процесса: с одной стороны, идет действительное объединение (гомогенизация) культур путем поглощения их в американизированной культурной модели. С другой стороны, параллельно идет дробление (фрагмента-

¹³ См.: Нартов, Н. А. Геополитика. – М., 2002. – С. 236.

ция) национальных культур, распадение их на отдельные этноориентированные локусы, при этом само культурное пространство распадается на множество культурных фрагментов, культура дробится в этих локусах, дробя и сознание. Все это, с одной стороны, увеличивает трудность самоидентификации, с другой – создавая все более дробные социокультурные группы, разрушает единство общества; при *видимости* единой культуры люди оказываются как никогда разобщены, им все труднее понимать друг друга, сочувствовать другому, поддерживать его; это как бы скопление одинаковых атомов, каждый из которых вращается по своей индивидуальной, не пересекающейся с другими орбите.

Двойные стандарты проводятся и в области образования, которое лишается общенаучной основы и гуманистического содержания, начинает формировать узких специалистов, владеющих, как правило, лишь определенной суммой необходимых практических навыков. В системе образования разрушаются обязательные общие стандарты, характеризующие широко образованного человека, который был бы способен видеть мир в целом; подобное видение заменено у него набором неких не связанных между собой фрагментов знания об отдельных явлениях. В подобную стратегию вполне вписывается повышение цен на книги, закрытие как нерентабельных значительного числа библиотек, введение платы за пользование информацией, что «отсекает» от нее экономически несостоятельных пользователей. В то же время для небольшой группы новой элиты, призванной осуществлять власть, обеспечивая ее преемственность, в образовании предусматриваются совершенно иные стандарты, и сама модель образования иная; система образовательных учреждений для элиты становится все более закрытой.

Фактически глобализацию достаточно обоснованно можно расценивать как новую изоцированную колониальную политику, осуществляемую в том числе и через культурную экспансию, которая *готовит, обеспечивает и воспроизводит* – с помощью особого воздействия на общественное сознание – экономическую зависимость от глобализирующего центра всего остального глобализируемого мира.

Кроме уже упомянутого фактора – того, что глобализация приобрела фактически форму американизации, тревогу вызывает и то,

что крайняя степень материализации всех социальных отношений в ситуации формирующегося глобального рынка, денежная форма их измерения и оценки означают не просто торжество весьма определенного способа устройства общества, но и совершенно иную по отношению к традиционной форму существования и функционирования самой культуры. А это в свою очередь означает в конечном счете и пересмотр самой идеи человека, смысла его пребывания в мире и цели его развития не как собственно биологического¹⁴ вида, но как родового существа. Как уже говорилось, в глобальном обществе экономика из инструмента организации хозяйственной жизни, из технологии отношений в финансовой сфере стремится превратиться и в философию, и в идеологию глобализующегося мира, то есть непосредственно формулировать стратегию и формировать смысл человеческого бытия, а также способ человеческого понимания мира. Происходит коммерциализация всех сфер жизни, что неоправданно с точки зрения общих издержек этого процесса, но представляется абсолютно логичным и неизбежным следствием данной политики; столь же неизбежно это связано с деградацией культуры и падением духовной составляющей жизни общества и отдельных людей, со свертыванием социальных программ. Осуществляется и закрепляется разрыв между экономическими и культурными моделями развития разных обществ, что еще более отягощает цивилизационный кризис.

Перерождение культуры в фактор осуществления властных стратегий особенно очевидно выступает в факте наличия и проведения так называемых «мягких» (soft power) или «тихих» войн. Войны и вообще были бы излишни при реализации первого варианта глобализации, не нужны при втором варианте, но они становятся необходимы и неизбежны в третьем из названных выше случаев. Это не обязательно «горячие» или даже так называемые «холодные» войны. Это централизованная система мягко и незаметно осуществляемых информационных воздействий в социокультурном пространстве той или иной страны, объектом которой становится сознание населяющих ее людей, содержание их картины

¹⁴ В этом плане предусматривается широкая программа исследований, направленных на совершенствование возможностей воздействия на человека на уровне генов, психо- и нанотехнологий, – опять же с учетом социальной дифференциации.

мира, традиционных представлений и ценностей. Спектр проявлений информационного оружия – от эмоционального дискомфорта и неуверенности до дезорганизации целых систем жизнеобеспечения общества.

Особой разновидностью информационной войны можно, к сожалению, считать современную *массовую культуру*, которая повсюду – во Франции, России, Японии – имеет американское лицо и проповедует американский образ жизни, американские ценности, американскую еду, американский характер. Современная мифология, создаваемая по определенным заказам и образцам и реализуемая через образы, активно навязываемые масскультом, не только вытесняет традиционные национальные мифы, обеспечивающие национальное единство, непрерывность национальной культуры и ценностей традиционного образа жизни, но и агрессивно развенчивает их, показывает их ущербность по сравнению с американскими мифами силы и успеха.

Видимая пестрота проявлений культурной жизни, провозглашаемый плюрализм ценностей, разнообразие поисков, культивируемое внимание к «локусам», разного рода отклонениям и странностям существования, аномалиям и перверсиям в мире и жизни человека, демонстрируемые практикой другого культурного направления – постмодернизма, отнюдь не отменяют тенденции к унификации культурной жизни. В конечном счете постмодернистская практика в области философии и искусства способствует своеобразному размягчению сознания, усиливает его дезориентацию относительно основных ценностей и норм, поощряет мыслительную неопределенность и относительность, что облегчает утверждение в сознании, утратившем естественную иерархию ценностей, любой искусственной, фиктивной, мнимой ценности, навязываемой масскультом и рекламой. Да и сам постмодернизм, если совлечь с него покровы языково-образных ассоциаций и аллюзий, часто выглядит в своих идеях и содержании как тот же масскульт, просто, по выражению современных подростков, более «навороченный».

В результате мы имеем войну (и не только информационную) как повседневную реальность, ложь – как способ существования, абсурд – как способ организации бытия, как форму осуществления сознания.

Что касается использования культуры в качестве оружия войны за глобализацию, то сама природа культуры такова, что подобные попытки в их форсированной форме могут привести к обратному результату.

Как уже говорилось, глобализация не стала синтезом культур, который позволил бы им обрести новое качество и новое пространство, но проводится с помощью культурного обеспечения в виде унифицированной массовой культуры, что реально привело к обеднению духовного пространства. Известный русский ученый Н. Я. Данилевский еще в середине XIX в. на основе сравнительно-исторического анализа культур пришел к выводу, что нельзя вообще говорить об универсальности культур и в частности считать таковой культуру Запада. Данилевский считал каждую культуру отдельным живым организмом со своей историей и своей системой представлений. Он дал отрицательный ответ относительно единства человечества и возможности единой общечеловеческой культуры. Единства нет, утверждал он, как нет и единого направленного процесса культурного развития. Поэтому корректнее ставить вопрос не об общечеловеческой культуре, а об общечеловеческом и индивидуальном в *каждой* культуре.

На тех же основаниях отрицал возможность наличия единой общечеловеческой культуры и О. Шпенглер, уже в XX в. развивший идеи Данилевского в своей книге «Закат Европы»; культуры изолированы, считал он, общим можно считать лишь сходство логики их изменения. Подобных же взглядов придерживался и А. Тойнби.

Представитель евразийства Н. С. Трубецкой также дает строгое географо-этнологическое обоснование невозможности общей культуры, тем более отождествляемой с западноевропейской, и категорически утверждает, что «братство народов, купленное ценой духовного обезличения всех народов, – гнусный подлог»¹⁵.

Общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна, полагал Л. Н. Гумилев. Человек выжил на Земле благодаря именно различию культур, которое обеспечивало разнообразие форм приспособления к условиям мира, его пластичность.

¹⁵ Трубецкой, Н. С. Вавилонская башня и смешение языков / Н. С. Трубецкой // История, культура, язык. – М., 1995. – С. 329.

Именно разнообразие культур означает возможность выбора, необходимого в тех или иных условиях, а следовательно, развитие, вооруженное таким наиболее оптимальным выбором; но нужно, чтобы такой выбор был у человечества.

Попытки унификации касаются и такой сферы культурной жизни человека, как религия. И в этой области мы видим стремление к рационализированному объединению разных религиозных конфессий в единую религию экуменизма. Вспомним, что у Вл. Соловьева в «Краткой повести об Антихристе» (из его «Трех разговоров») выведен образ экумениста: это не кто иной, как Антихрист; это он, будучи избран землянами президентом, решил объединить религии. Именно Антихрист, ставший затем земным императором, через соблазненных им иерархов совершает воссоединение церквей, то есть фактически реализует экуменический глобализационный проект.

Об опасности американизации европейской жизни европейские исследователи писали начиная с 70-х гг. XX в. Так, еще в 1982 г. занимавшим тогда пост министра культуры Франции Жаком Лангом был поставлен вопрос о том, что не только финансовая экспансия, но и засилье стандартизированной американской культуры можно рассматривать как опасную форму вмешательства США во внутренние дела европейских государств. Ныне З. Бжезинский не только не отрицает подобного факта, но и считает, что задача сохранения Америкой мирового господства и впредь потребует «международного порядка, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы»¹⁶.

Культура в силу своей природы и содержания может выступать как мягкое средство и наиболее естественный путь к налаживанию объединения народов, интеграции их в целях реализации программы справедливой бесконфликтной жизни, построенной на основах таких культурных ценностей, как истина и добро. Думается, что стремление к этим ценностям и их реализация не явились бы противопоказанием для идеи прогресса, понимаемого в его *аутентичном* смысле – как развитие человечества и совершенствование человека, способного строить гармоничные отношения с миром.

¹⁶ Бжезинский, З. Великая шахматная доска. – М., 1999. – С. 41.

Но руководители проекта к этому и не стремились, вернее сказать, стремились не к этому.

Что же в культурном отношении предлагает нам страна, убежденная в своем превосходстве, и каковы основания у этого чувства превосходства? С одной стороны, действительно, З. Бжезинский по факту прав, когда утверждает, что «культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире... Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже одежде все больше подражают во всем мире»¹⁷. Но, с другой стороны, реальная *возможность навязывать* свои ценности не равняется их действительным *достоинствам*.

Страна без глубоких собственных культурных традиций, с исходным составом населения (и соответствующей наследственностью), психоментальная основа которого не предполагает укоренности культурно-этических и нравственных представлений, не может долго использовать количественные факторы вместо качественных. Христианство здесь является поверхностным, это своего рода социальный (а не духовный) ритуал; сам дух протестантизма как местного варианта христианства во многом таков, что это в свое время вынудило Христа изгонять торговцев из храма; философия же прагматизма как родившаяся там и выражающая дух нации закрепляет этот дух в поведении частном и общественном; индивидуализм в крайних формах закрепляет нежелание считаться с кем-либо, тем более если тот окажется в чем-то слабее. Сила, выступающая в разных аспектах и обличиях, становится доминирующим фактором при решении всех проблем, включая культурные. Для регуляции и регламентации ее проявлений и контроля над ними используется система правовых институтов, которыми так гордится Америка, но которые для нее есть единственная возможность создать систему формальных сдержек, способную обеспечивать

¹⁷ Бжезинский, З. Великая шахматная доска. – С. 38.

нормальное функционирование общества. В других обществах, с иными традициями и приоритетами, роль подобных сдержек выполняют религия, как в Израиле или исламских странах, ритуал и порядок, как, например, в Японии или Китае, бытовая культура, совесть, дух коллективизма, не дающий индивидуализму стать угрозой для благополучия остальных, и т. д.

Разрушение фундаментальных ценностей делает людей в определенном смысле беспомощными и легко управляемыми. Как пишет П. Сорокин, «люди с трансцендентальной системой ценностей и глубоким чувством нравственного долга обладают ценностями, которых не может у них отнять ни один человек и ни одна катастрофа. При всех обстоятельствах они сохраняют ясность ума, чувство человеческого достоинства, самоуважение... Имея эти качества, они могут вынести любое испытание, каким бы суровым оно ни было»¹⁸. В то же время люди, которые опираются на так называемые земные ценности – богатство, славу, власть, – в условиях кризиса оказываются лишены почвы под ногами, ибо у них нет ни высшей цели в жизни, ни высшей мотивации к ней, которые бы поддерживали их в ситуации, когда утрачивается привычное положение, материальное благосостояние и т. п. Поэтому «перевод» людей на рыночные ценности одновременно облегчает задачу управления ими, делая их неукорененными в бытии.

Искусство и СМИ втягивают человека в нескончаемую игру, превращенную в основную форму жизни. Условность, конвенциональность всего, вплоть до действительности, – непеременные атрибуты истолкования любых фактов жизни, вплоть до драматических. Скандалы, шоу, карнавалы – все должно скрыть главное, отвлечь внимание от основных человеческих и социальных проблем, главного содержания жизни, того, что в политике свершается под шумок. Непрерывающийся «карнавал» отодвигает на задний план сущностные, смысловые формы и проявления жизни. *Шоуизации* подвергается не только культура, но и сам мир. Так, даже из трагедии 11 сентября в Америке умудрились сделать прежде всего грандиозное и эффектное шоу.

¹⁸ Сорокин, П. Человек и общество в условиях бедствия // Вопросы социологии. – 1993. – № 3. – С. 58.

«Плюрализм», совмещающий несоединимое, приравнивающий несопоставимое, порождает ощущение абсурдности происходящего. Так, вошло в обиход словосочетание «гуманитарные бомбардировки» (так сказать, войны, ведущиеся альтруистами и филантропами, готовыми силовым способом утверждать «гуманитарные ценности»); по этой логике не меньшими гуманитариями выглядели бы людоеды, которые по-своему тоже очень любят людей. Утрата контроля над семантическими категориями, произвольность и даже девиантность смысловых ассоциаций свидетельствуют не только о деградиционных процессах в сознании, но и о намеренной деформации мыслительного пространства. Таково, например, употребление слова «фундаментализм» только в негативном контексте и в неперменной связке со словом «терроризм». Но фундаментализм – это лишь стремление возвратиться к своим культурно-религиозным корням, к своим основаниям (фундаменту), к глубинным основам традиционного жизнеустройства, образа мышления и восприятия, что выступает, в общем-то, естественной реакцией на глобализацию, свидетельствуя о стремлении нейтрализовать культурное нивелирование обращением к своим культурным истокам.

Разорванность сознания, смешение понятий, формирование какой-то виртуальной логики, органично включающей в себя абсурд, приводят к своеобразной утопизации самого сознания, которое становится неспособным осознать собственную утопичность. Представляется, что из-за подобной утопичности сознания, своеобразной инфантилизации ментального процесса складывается кризисное состояние во многих областях современной науки, когда на ошибочных, ложных (или нарочито извращенных) посылках с помощью научного понятийного аппарата и привычной логики строится та или иная теория; иногда эта видимость научности способна закамуфлировать ложность посылок, положенных в ее основание. Деформация сознания, общий дух абсурдности, разрыв ментальной «топологии» пространства приводят к образованию своеобразных деградиционных воронок, которые затягивают в себя, поглощают целые участки действительности.

Главная же идея информационной войны за глобализацию – создать субъективное ощущение свободы при объективной несвободе. Подобная идея выражалась, в частности, уже упоминавшимся

Великим Инквизитором из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского; Инквизитор считал необходимым умерщвление в человеке самого инстинкта свободы. О какой свободе может идти речь, когда человек все более направленно превращается в функцию? Используются даже специальные препараты (например, бензедрин) для программирования человеческого сознания на определенную цель. Достаточно вспомнить уже упоминавшийся фильм «Ее звали Никита» или посмотреть на лица солдат ОМОНа, которые есть олицетворенная функция. Поэтому «Вашингтону весьма трудно учиться на уроках истории и делать адекватные создавшейся ситуации выводы»¹⁹. Об отсутствии глубинной укорененности права США на лидерство еще в 1975 г. писал Д. Белл в своей работе «Конец американской исключительности», где утверждал, что ослабление мощи может сделать США обычной страной, ибо каких-то других оснований для исключительности у них нет.

В свою очередь С. Хантингтон в статье «Запад уникальный, но не универсальный» также констатирует, что претензии одного из центров на исключительность разрушают реальный плюрализм культур. Поэтому, полагает он, Западу следует не столько строить иллюзии по поводу своей универсальности, сколько позаботиться о сохранении жизнеспособности собственной цивилизации в мире различных цивилизаций.

Здесь важно отметить то обстоятельство, что неизбежное «выравнивание», которое предлагает американизированная массовая культура, не может проходить по какому-то достаточно высокому уровню. Оно проходит на основе общего для всех и всем доступного уровня, то есть уровня материальных ценностей, ибо на уровне духовном люди как раз различаются более всего. Следовательно, в унифицированной человеческой культуре, которая строится по американскому образцу, примат сугубо материальных потребностей неизбежен, вследствие чего столь же неизбежна вполне объяснимая с этих позиций неуклонно идущая духовная примитивизация культуры. Поэтому сегодня под вопрос все чаще ставится именно культурная состоятельность американцев как единственной сверхдержавы, желающей диктовать миру все стандарты и образ-

¹⁹ Гаджиев, К. С. Геополитика. – М., 1997. – С. 21.

цы. Если учесть к тому же, что большая часть интеллектуальной элиты США отнюдь не «американского производства», то станет очевидно, что претензии их осуществлять функции «старшего брата» в глобализируемом ими и постглобализационном мире весьма сомнительны.

При этом власть становится все более отчужденной и анонимной. Многие политические деятели на Западе, в том числе бывший посол США в Москве Джордж Кеннан, утверждают, что в этом мире самые важные решения принимаются неизвестно кем и неизвестно к кому следует обращать претензии или критику. Невидимый «большой брат» держит в своих руках нити судеб всех живущих, ибо, как сказано в легенде о Великом Инквизиторе у Достоевского, «кому же и владеть людьми, как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их».

Осуществление власти приобретает новые, невиданные формы: управление сознанием; дирижирование управляемыми конфликтами; «коррекция» численности населения и т. д. Наука и культурные достижения все шире используются против создавшего их человека. Клонирование, возможность достижения личного бессмертия путем управления генетическим кодом и использования «запасных органов» скоро явят нам реальность новых бессмертных богов, что окончательно и необратимо разделит мир, обозначив качественно новую антиутопию.

Процессы управляемой деантропологизации²⁰ человека, национальное обезличивание, культурная унификация в «управляемых» США странах (а их подавляющее большинство) приводят к подрыванию основ социальной жизни, к разрушению традиционных институтов ее организации: из-под них как бы выдергивается питающая и связывающая их корневая система, и теряющая укоренен-

²⁰ Показательна в этом отношении эволюция детских игрушек. Если раньше это были чебурашки, похожие на забавных зверушек, то ныне их сменили сначала телепузики (которых автор Чебурашки Успенский назвал «телегнусиками»), потом покемоны, твинисы... Это непонятные существа неизвестно какой природы, лишенные обаяния и эстетической выразительности, не имеющие ни культурной укорененности, ни объективной апелляции к детской душе. Подобное является отражением общей тенденции к деантропологизации человека, когда наряду с его материально-вещным «заземлением» он одновременно как бы изымается из собственной человеческой природы – целостной и многогранной – и втискивается в какой-то виртуальный образ сконструированной по неведомым техническим лекалам сущности.

ность структура национальной жизни начинает напоминать перепутанный клубок перекасти-поля. Очевидно, именно эту принципиальную утрату укорененности имел в виду Ж. Аттали, когда в своей книге «Линии горизонта» писал, что космополитизация человечества как главная цель организации нового мирового порядка делает основной характеристикой психоментала дух и настрой кочевничества; кочевничество станет высшей формой нового общества. Кочевник, как ему и положено, будет в постоянном передвижении, без каких-либо устойчивых ориентиров во времени и пространстве. У новых «кочевников» не будет ни чувства Родины и родной почвы, ни веры предков – только желание «хлеба и зрелищ», представленных, конечно, в современном, то есть информационном, варианте. К сожалению, огромные массы людей, ставших мигрантами в результате сопутствующих глобализации разного рода конфликтов, нестабильности экономического положения, вынуждающего искать лучшие места или просто спасения, заставляют думать, что и эта странная идея о кочевниках воплощается-таки в действительность в глобализуемом мире, подвергающемся действию жесткой руки, перемешивающей мир и формующей его как бы заново.

Следует сказать, что современный культурный контекст, определяемый доминированием в нем двух основных культурных парадигм – постмодернизма и массовой культуры, – как нельзя лучше приспособлен для цели приведения культурной жизни человечества к некоторому «общему знаменателю». При этом, как мы помним, чем больше знаменатель дроби, тем меньше оказывается обозначаемая ею величина. Прежде культура, как земля на трех китах, стояла на трех главных и безусловных ценностях: истине, добре, красоте. Фундаментальность этих ценностей человек чувствовал всегда внутренне, как бы на безусловном уровне. Ныне же постмодернистский контекст всячески размывает смысловую и ценностную определенность основ человеческого бытия. Так, истина оказывается все более относительной и неоднозначной, добро скомпрометировано идеологией силы и успеха, утверждаемой философией прагматизма, красота вытесняется безобразным, которое эстетизируется в разнообразных формах отклонения не только от красоты как высшего порядка организации, но и просто от нормы.

Множество самых разнородных и несовместимых ценностей (и равноправных с ними антиценностей) образуют тот «знаменатель», который превращает культуру в бесконечно малую величину. И если постмодернистское мировоззрение размывает ценностную структуру культурного пространства, уравнивая истину и ложь, добро и зло, красоту и уродство, то массовая культура в свою очередь непосредственно гомогенизирует и содержание культуры, и содержание сознания. Происходящие процессы не только дробят общество социально-онтологически, но и ведут к распадению смысловых основ, определяющих саму его социальность.

Конечно, как бы продолжает свое существование (также ставшее почти виртуальным) уже созданные высокая культура и высокое искусство, творцы продолжают создавать произведения истинного искусства, однако их тиражи несопоставимо малы в сравнении с тиражами детективов, заполнивших книжное пространство. Они не только «физически» вытесняют высокое искусство, но и смещают пропорции восприятия: объектами рекламы и популяризации в ток-шоу становятся отнюдь не шедевры.

Деформации в сфере общественных настроений, общественной психологии небезобидны. Известный ученый Н. Моисеев усматривал в процессах активно осуществляемой гомогенизации и «человеческого материала», и культуры постепенное утверждение «режима нового тоталитаризма»²¹, «в котором зомбированное пяти-миллиардное население бедных стран будет обеспечивать демократическое и экологическое благополучие “золотого миллиарда”»²². Действительно, вследствие направленных глобализационных усилий совершенно четко вырисовывается реальность новой мировой империи с единым центром управления, с разделением государств по разным «мирам», с жестким и достаточно непроницаемым делением населения на элиту и массу, на «золотой миллиард» метрополии и колониальную периферию.

В настоящее время реальные результаты глобализации и разочарование в ней, ощущение ее истощенности при использовании прежних средств и прежней идеологии вынуждают к пересмотру ее

²¹ Моисеев, Н. Н. Гуманизм – заслон против надвигающегося средневековья // Здравый смысл. – 1997. – № 5. – С. 18.

²² Там же.

приоритетов даже теми, кто стоял у истоков формирования ее стратегии. Но, конечно, речь идет не о возвращении к идее подлинного единства человечества, означающего не гомогенизацию и унификацию, а реализацию *синтеза* культур в единую человеческую культуру, но лишь о поиске *более эффективной* стратегии, когда множественность «точек опоры» могла бы обеспечивать реальную устойчивость здания культуры и здания мира как основ сохранения укрепляемого нового мирового порядка.

Итак, мы в самом деле наблюдаем ситуацию, когда противостоящая новой элите масса с децентрированным сознанием, неспособная к самоидентификации, живущая в призрачном мире фиктивных ценностей, превращается фактически уже в простую биомассу, которая для обеспечения порядка и спокойствия в обществе должна быть охвачена поголовным контролем и системой неотступной манипуляции сознанием, механизмы которой отработаны в информационных войнах и замаскированы новокультом. И это будет *новый* тоталитаризм, ибо, во-первых, прежние тоталитарные режимы были локальными, не охватывая мира в целом, а во-вторых, никогда прежде подобные режимы не имели такого мощного информационного обеспечения, которое незаметно, но повсеместно охватывало бы жизнь общества. Становление индустрии культуры, ставящей на поток программирование людей с помощью массового искусства, рекламы, программ ТВ, немецкие философы Т. Адорно и М. Хоркхаймер в своей «Диалектике просвещения» характеризуют как «наиболее изощренную и злокачественную форму тоталитаризма».

Современный контекст полностью игнорирует то, что в человеческой природе наличествует уровень «духовного бессознательного», выделенный продолжателем учения К. Юнга Виктором Франклом. Он утверждает, что человеческая природа имеет некую божественную составляющую, которая как бы дремлет в бессознательном слое человеческой души. И потому человек всегда подсознательно будет сопротивляться попыткам втиснуть его в прокрустово ложе схем и проектов, если те не учитывают *метапотребности* человеческой природы в духовности, в высших ценностях.

Глубоко негативный метафизический смысл глобализации в том, что для реализации своих целей она создает такие условия,

в которых ставится на излом сама *идея человека*. Возникновение человека есть метафизический космический *мегапроект*, согласно которому сознательная материя приобретает возможность и становится способна активно выступить против мирового уравнивания, обрекающего мир на бесконечные качели между «большими взрывами» и «коллапсами». Мыслящий человек как космический проект может оказаться способом вырваться из дурной бесконечности циклического пульсирования рождений и смертей Вселенной. Но для этого человек должен пройти путь развития и совершенствования. Глобализуемый человек предстает как человек деградирующий, который может оказаться неспособным к преемственности и продолжению эволюции. Если только не предположить, что развиваться и эволюционировать будет исключительно элита, сохранившая возможность совершенствовать свои человеческие психоментальные характеристики. Однако сомнительно, что она сохранит мотивацию к этому в условиях достаточно узкой группы, которая в свою очередь рано или поздно расслоится либо ее развитие будет осуществляться с помощью искусственных мер, евгенических экспериментов и т. п., что представлено в антиутопических фантазиях Ж. Парвулеску.

Что касается большинства остального населения, то оно, как в антиутопии Дж. Лондона «Железная пята», будет погружаться «в скотскую апатию смирения и безнадежности». Тотальная деформация ценностной иерархии, трансформация образа жизни, угроза деформации самой человеческой природы вследствие углубляющейся шизофренизации бытия и сознания могут создать эффект необратимого регресса человечества. Даже простая перспектива подобного исхода показывает, сколь дорогую цену может заплатить человечество за бездумное отношение к собственной судьбе.

В целом можно сказать, что осуществление проекта глобализации, если он вполне удастся, станет угрозой краха *метафизического мегапроекта человека*.